

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ЛОКАЛЬНЫХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ КАЛМЫКИИ

.....

С. С. Белоусов¹

В статье на основе привлечения широкого круга источников исследуются причины и факторы локальных межэтнических конфликтов в Калмыкии в 1980-2000-е гг. Особое внимание уделено миграционному, этнопсихологическому, социально-экономическому и политическому факторам, оказывающим решающее влияние на создание конфликтного фона в Республике Калмыкия.

Ключевые слова: этнические конфликты, Калмыкия, миграции, народы Северного Кавказа, межнациональные отношения.

In article on the basis of attraction of a wide circle of sources are investigated the reasons and the factors of the local interethnic conflicts in of Kalmykia in 1980-2000 years. The special attention is given migrations, ethnic psychology, socio economic and political factors rendering decisive influence on creation of a disputed background in Republic Kalmykia.

Key words: the ethnic conflicts, Kalmykia, migrations, peoples of Northern Caucasus, interethnic relations.

Проблема межнациональных конфликтов на территории Республики Калмыкия до настоящего времени не стала объектом исследования учёных, несмотря на то, что за последние двадцать лет российскими учёными накоплена солидная теоретическая и эмпирическая база, позволяющая проводить подобного рода исследования. Научное изучение межэтнических конфликтов позволяет понять истоки и механизм их действия и наметить возможные пути для их разрешения и предотвращения. В этой связи особое значение приобретает изучение причин и факторов, способствующих возникновению межэтнических конфликтов.

Подавляющее большинство межэтнических конфликтов в постсоветской Калмыкии относится к разряду локальных, под которыми согласно методи-

¹ Белоусов Сергей Степанович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. Эл. почта: sbelousovelista@mail.ru.

ке, разработанной В. А. Харченко и Л. Л. Хоперской, понимаются микросоциальные конфликты, охватывающие небольшие географические пространства (отдельные населённые пункты, муниципальные образования и районы) [12, с. 10-11]. За период с 1989 по 2009 г. автором было выявлено на территории Калмыкии 63 межэтнических конфликта.

В Калмыкии большое влияние на создание конфликтогенного фона оказывают миграционный, этнопсихологический, социально-экономический и политический факторы.

Предпосылки к возникновению локальных межэтнических конфликтов начали складываться в 1960-1970-е гг., когда восстановленная в 1957 г. автономия калмыцкого народа вследствие огромных демографических потерь калмыцкого населения испытывала большие потребности в трудовых ресурсах. В переселенческом потоке в Калмыкию в те годы весьма заметную часть составляли и северокавказские народы: даргинцы, аварцы, чеченцы, кумыки и др. В отличие от мигрантов других этнических групп они в большинстве своём трудоустраивались в животноводстве и компактно расселялись семейными группами в мелких населённых пунктах: на фермах, гуртоправских стоянках и чабанских точках.

Послевоенные миграции привели к серьёзным изменениям в этнической структуре населения Калмыкии. За 30 лет (1959-1989 гг.) удельный вес северокавказских народов в результате миграций и высокого естественного прироста вырос с 0,8 до 9%, и по численности они стали третьими после калмыков и русских. В восточных районах республики (в Черноземельском, Ики-Бурульском, Яшкульском районах) северокавказские народы за период между переписями 1979 и 1989 гг. переместились на второе место, опередив русских, и их доля в 1989 г. в населении указанных районов составила соответственно 31,1, 25,9 и 19,5% [1, с. 68].

Одним из важных инструментов, позволяющих выявить отношение жителей региона к миграциям, являются социологические опросы. Анализ результатов нескольких социологических опросов, проведённых во второй половине 1980-х — начале 2000-х гг. свидетельствует о том, что у местного населения сложилось далеко не однозначное отношение к мигрантам определённых национальностей: против миграции северокавказских народов, как правило, высказываются от 35 до 45% респондентов.

Миграции, несомненно, накладывают определённый отпечаток на межнациональные отношения в республике, что даёт основание поставить их в ряд конфликтогенных факторов, которые при определённых условиях способны привести к возникновению локального межэтнического конфликта.

По сведениям переписи населения 2002 г., наиболее крупными по численности этническими группами в Республике Калмыкия были калмыки

(155938 чел., или 53,3% от численности всего населения), русские (98115 чел., или 33,6%), даргинцы (7295 чел., или 2,5%) и чеченцы (5979 чел., или 2%) [9, с. 6]. Некоторые исследователи подвергают сомнению цифру численности уроженцев Дагестана в Калмыкии, указанную в материалах переписи населения 2002 г., полагая, что она сильно занижена.

Что касается калмыцкого и русского населения, то статистика их численности по переписи населения 2002 г. в целом не вызывает особых разногласий. Анализ данных послевоенных переписей населения Калмыкии свидетельствует о том, что у калмыцкой группы сохраняется положительная динамика роста численности, хотя темпы прироста населения постоянно сокращаются. Вторым по численности народом Калмыкии продолжают оставаться русские, численность которых вот уже на протяжении трёх десятилетий стабильно снижается. За период между переписями 1979 и 1989 гг. русское население сократилось на 3979 чел. [11, с. 4], а с 1989 по 2002 г. — на 23416 чел. [9, с. 6]. Русское население уменьшается вследствие его массовой миграции за пределы Калмыкии и неблагоприятной демографической ситуации. С 1990 по 2007 г. русское население в результате миграций потеряло 20885 чел., а демографические потери с 1995 по 2008 г. составили 5671 чел. [3, с. 18].

Демографическая ситуация в Республике Калмыкия по сравнению с другими субъектами Южного федерального округа выглядит относительно благополучной. Несмотря на падение рождаемости, в Калмыкии пока ещё сохраняется естественный прирост населения, однако необходимо отметить, что в первое десятилетие текущего столетия естественный прирост населения республики идёт в основном не за счёт составляющих более 86% населения Калмыкии калмыков и русских, а за счёт калмыков, народов Дагестана и чеченцев. Удельный вес наиболее многочисленных в Калмыкии северокавказских народов (даргинцев, чеченцев, аварцев и кумыков) в естественном приросте населения Калмыкии в 2002-2008 гг. составил 31,1%, в то время как у калмыков за то же время — 37,1%, у русских естественного прироста нет с 1992 г.

Сохранение естественного воспроизводства у северокавказского и калмыцкого населения положительно отражается на их возрастной структуре: по переписи населения 2002 г., у чеченцев лица в возрасте до 15 лет составляли 33,1% от их общей численности, лица от 15 до 40 лет — 44,7%, у даргинцев данные показатели были соответственно 31,1 и 47,7%, у калмыков — 23,6 и 39%. По этим показателям русские уступают указанным народам: у них доля лиц в возрасте до 15 лет — 18,9%, от 15 до 40-34,8% [9, с. 6]. Абсолютное и относительное преобладание у северокавказских народов и калмыков лиц молодых возрастов делает данные этнические группы более восприимчивыми к активным акциям в сфере межнациональных отношений.

Этническая составляющая сознания населения играет положительную роль в сохранении этноса, предохраняя его от ассимиляции, однако одновременно

она может создавать предпосылки для повышения межэтнической напряжённости, способной привести к конфликтам.

Социологические опросы 1990-х гг. показали доминирование у калмыцкого населения этнической и республиканской идентичности, у русских респондентов национальная и общегражданская идентичность оказались примерно на одном уровне. В 2000-е гг. акцент в определении идентичности у калмыков и русских сместился в пользу гражданских идентичностей, при этом значимость этнической идентичности имела тенденцию к снижению. Преобладание у опрошенных представителей титульной нации республиканской и близкой к ней этнической идентичности создаёт определённые предпосылки к конфликтам.

Важнейшим индикатором национальных отношений в обществе является ориентация представителей различных народов на позитивное взаимодействие в индивидуально-личностной сфере. Материалы социологических опросов 1980-1990-х гг. и начала XXI в. свидетельствуют о том, что между двумя самыми многочисленными этническими группами населения Калмыкии — русскими и калмыками в семейно-личностной сфере существует некоторое отчуждение. Истоки сложившейся ситуации, на наш взгляд, лежат в прошлом двух народов, формировавшихся в различных хозяйственно-культурных, этнических и конфессиональных средах. Калмыки по этническому происхождению являются монгольским народом, принадлежат к монголоидной расе, по вероисповеданию — буддисты, в хозяйственном отношении представляют тип центральноазиатских кочевников-скотоводов. Русские же формировались в иных историко-географических и этнических условиях. Их этнической родиной были лесостепи Восточной Европы, национальной религией — православие, хозяйственным типом — пашенное земледелие. Волею исторической судьбы столь непохожие друг на друга этнические системы оказались на одной территории и несколько столетий сосуществовали на ней, взаимно влияя, но принципиально не изменяясь. За годы советской власти обе системы в значительной степени были разрушены: изменился уклад жизни двух народов, социальная структура, произошёл резкий разрыв с национальными традициями. В результате модернизационных процессов произошло сближение двух народов, однако некоторая отчуждённость в отношениях между ними всё же сохранилась.

За последние 40-50 лет в Калмыкии в результате миграций сложились крупные этнические группы северокавказских народов из Дагестана и Чечни.

Среди прибывших из северокавказских республик мигрантов почти не было квалифицированных специалистов и горожан, большинство составляли уроженцы сельских районов, где внутренняя жизнь местного населения в большой степени регламентировалась национальными традициями. Кланово-родовой принцип организации общества северокавказские переселенцы принесли

с собой в Калмыкию, и он оказался довольно устойчивым, чему во многом способствовали изолированный характер расселения мигрантов и близость к исторической родине, связи с которой у них никогда не прерывались.

Привнесённый мигрантами из республик Северного Кавказа тип поведения, свойственный традиционным обществам, в целом был чужд численно преобладающим в КАССР калмыцкому и русскому населению, для которого был характерен современный тип организации общества. Несхожесть типов организации общества местного и пришлого населения способствовало формированию у части местного населения негативных этнических стереотипов в отношении мигрантов из Дагестана и Чечни. В конфликтных ситуациях местные жители при общении с представителями государственной власти и журналистами чаще всего среди отрицательных черт поведения кавказцев называли их вызывающее поведение и неуважительное отношение к ним со стороны кавказцев, склонность к воровству скота, стремление к этнической обособленности и использованию северокавказским населением неблагоприятных способов к обогащению.

На ситуацию в межнациональной сфере определённое влияние оказывает социально-экономическая обстановка, однако чаще всего не напрямую, а опосредованно. Если в период проведения рыночных реформ уровень жизни большинства населения резко падает, то в социуме создаётся стрессовая ситуация, которая в полиэтничных регионах существенно повышает риск осложнения межнациональных отношений.

В Калмыкии важным фактором, способствовавшим возникновению определённой напряжённости в межнациональных отношениях, стали трудовые миграции северокавказского населения. В силу своей массовости они изменили этнический состав работников животноводческой отрасли, где ранее доминировало калмыцкое население. Так, в 1985 г. доля северокавказских народов в данной отрасли составляла 59,9%, калмыков — 23,9, русских — 12,2, других народов — 4,7% [2, с. 129].

Животноводство привлекало северокавказское население довольно широкими для советской эпохи возможностями поправить своё материальное положение. В Калмыкии характер и форма ведения животноводства предопределены её природными условиями: животноводческое производство здесь предполагает сосредоточение работающих в этой отрасли в мелких населённых пунктах и не требует привлечения большого количества людей, позволяя обходиться силами одной или нескольких семей. Всё это открывает широкие возможности для ведения индивидуального хозяйства и сокрытия от властей действительных доходов, а значит, и личного обогащения.

Заполнению мигрантами отрасли, традиционно считавшейся калмыцкой, способствовали причины объективного и субъективного характера. В период депортации, когда калмыки находились в ссылке и большей частью были

заняты не в традиционной для них отрасли производства, произошёл определённый разрыв в хозяйственной преемственности поколений. Для родившихся в Сибири калмыков и для тех молодых людей, на долю которых выпало профессиональное становление в годы депортации, животноводство перестало быть традиционным занятием. Старшее же поколение в силу больших демографических потерь, понесённых в годы депортации, после возвращения из ссылки не в состоянии было обеспечить животноводческую отрасль достаточным количеством кадров. Другой причиной, приведшей к потере калмыками ведущих позиций в животноводстве, стала быстрая модернизация калмыцкого общества, целенаправленно проводившаяся советской властью во второй половине XX в. В ходе неё значительные перемены претерпела социально-профессиональная структура калмыцкого народа, изменился его стандарт жизни. Молодое поколение стремилось получить образование и переехать на жительство в город, где можно было попытаться устроиться на более престижную работу и где условия быта были намного благоприятнее.

Когда в конце 1980-х гг. в стране начался социально-экономический кризис, относительное материальное благополучие северокавказского населения, достигнутое им в основном за счёт животноводства, вызывало у части местного населения всё большее раздражение и желание восстановить потерянные им ранее позиции в животноводстве.

В 1990-е гг. в связи с переходом России на новую модель социально-экономического развития произошло обвальное ухудшение социально-экономического положения большинства россиян. Калмыкия вступила в полосу реформ в худших стартовых условиях по сравнению со многими другими регионами. Она не имела развитой промышленности, собственных источников электроэнергии, разработанных значительных запасов природных ископаемых, за счёт доходов от которых можно было бы поддерживать социальную сферу и проводить реформы. В результате в народнохозяйственном комплексе республики произошёл резкий спад производства, закрылись многие промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Между переписями 1989 и 2002 гг. в республике сократилось число занятого в экономике населения, причём особенно заметно у северокавказского населения. Так, если у калмыков и у русских доля задействованного в экономике населения в межпереписной период уменьшилась с 50,6 и 51,7% [11, с. 34] до 34,7 и 35,7% [2, с. 8] соответственно, то у даргинцев почти в два раза — с 45,1 [11, с. 35] до 24,3% [9, с. 9], а у чеченцев более чем в три раза — с 45,6 [11, с. 36] до 13,7% [9, с. 9]. Увеличению экономически незанятого населения у северокавказских народов способствовало обострение политической ситуации на Северном Кавказе и в первую очередь в Чечне. Спасаясь от военных действий, в Калмыкию прибыло большое количество вынужденных мигрантов, которые осели преимущественно в сельской местности у своих родственников и земляков. Это усилило нагрузку на соци-

альную сферу республики, а отсутствие работы ещё и подтолкнуло часть представителей северокавказских народов на незаконную деятельность. Всё это вызывало недовольство у старожильческого населения. На сходах и митингах из уст местного населения в адрес кавказцев часто звучали обвинения в незаконной продаже спиртных напитков, в спекуляции товарами, в скотокрадстве, неоднократно указывалось на значительное количество среди них нигде не работающих лиц трудоспособного возраста.

На фоне резкого падения уровня жизни большинства населения республики резко возросла преступность: в 1991-1995 гг. на территории республики в среднем ежегодно фиксировалось более 4,5 тыс. преступлений [5], в 2000-2004 гг. — более 5 тыс., в 2005 г. — 5458 преступлений, а в 2006 г. рекордное за предшествующие двадцать лет число — 5885 преступлений [4, с. 75]. Часть этих преступлений была совершена представителями северокавказских народов, при этом в сознании части местного населения сложилось представление о том, что многие преступления, связанные с кражей скота, разбоями, похищениями людей, — дело рук кавказцев. Последним, по мнению местных жителей, нередко удавалось уходить от наказания благодаря попустительству правоохранительных органов, в рядах которых служило немало представителей кавказских народов. Заметное представительство кавказцев в милиции в определённой степени подтверждается утверждением одного из лидеров чеченской общины Калмыкии Эльжуркаева о том, что среди сотрудников правоохранительных органов чеченцы — третьи по численности после калмыков и русских. Во время межнациональных конфликтов в 1980-х — начале 1990-х гг., в частности, в г. Элиста, Черноземельском и Сарпинском районах, сходы местных жителей выдвигали в качестве одного из главных требований удаление из милиции всех кавказцев.

На рост межнациональной напряжённости большое влияние также оказали политические события конца XX в. Проводившаяся в годы перестройки советским руководством политика гласности и демократизации в условиях низкой политической культуры привела не к сложению гражданского общества, в котором преобладают общечеловеческие ценности, а к росту национального самосознания, что спровоцировало резкий всплеск националистических настроений. Эти настроения обострились ещё больше после распада СССР, когда произошёл крах коммунистической идеологии, а у правящего слоя не было более привлекательной альтернативной идеологии. Не оказалось у российских реформаторов и продуманной стратегии в национальном вопросе, в результате чего при проведении национальной политики был допущен ряд серьёзных ошибок.

Усилению межнациональной напряжённости способствовали также действия отдельных руководителей на местах. В ходе этнических конфликтов его участниками почти всегда высказывались серьёзные претензии к деятельно-

сти местных властей. Их обвиняли в покровительстве, оказываемом кавказцам при приёме на работу в животноводство, в покровительстве их незаконной экономической деятельности, в игнорировании интересов калмыцкого и русского населения. Подобные обвинения в адрес районных и сельских властей имели под собою почву, поскольку именно их действия привели к национальным перекосам в кадровой политике, создав тем самым межнациональную напряжённость. Местные власти ответственны и за отсутствие эффективного надзора со своей стороны за хозяйственной деятельностью пришлых работников, нередко в целях личного обогащения преступавших закон.

Своё недовольство некоторыми действиями местных властей выражало и северокавказское население Калмыкии. Во второй половине 1980-х гг. руководители ряда хозяйств попытались выправить перекосы в кадровом составе животноводов, что сразу же привело к росту межнациональной напряжённости. Необходимо отметить, что с действиями местных властей непосредственно связано несколько межнациональных конфликтов, произошедших в Черноземельском и Сарпинском районах.

Конфликтогенность в межнациональных отношениях возросла в связи переходом республики к рыночным отношениям. В 1990-е гг. началась реорганизация бывших совхозов и колхозов, на базе которых создавались СПК и крестьянско-фермерские хозяйства. Одновременно менялись и формы собственности на селе. В некоторых хозяйствах руководители под разными предлогами попытались не допустить приёма кавказцев в члены СПК и передачи в их собственность земли и другого недвижимого имущества.

24 апреля 2007 г. на имя К. Н. Илюмжинова поступило письмо от уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике Н. С. Нухажиева, где он, ссылаясь на обращения ряда граждан чеченской национальности Калмыкии к Президенту ЧР Р. Кадырову, проинформировал калмыцкого главу о нарушении прав чеченцев и уроженцев Дагестана в Калмыкии. В письме в довольно резком тоне фактически осуждалась национальная политика руководства Республики Калмыкия. В качестве примеров в упомянутом письме приводились конкретные факты безосновательного отказа местными властями передачи в собственность представителям северокавказских народов помещений и земель чабанских стоянок [11].

Если вернуться к началу 1990-х гг. и проследить до 2008 г. динамику оценки респондентами качества межнациональных отношений, то выяснится, что, несмотря на преобладание позитивных оценок, выросла доля тех, кто менее оптимистичен в своих оценках. Так, в сентябре 1993 г. считали хорошими отношения с другими национальностями 78% опрошенных, не очень хорошими — 15, плохими — 1% [10, с. 101], в 2002 г. нормальными их назвали 58,3%, стабильными, но не беспроблемными — 44,3% [6, с. 115].

При анализе факторов конфликтогенного порядка важно учитывать также и те из них, которые носили ситуационный характер, т.е. действовали только на определённом временном этапе в постсоветской Калмыкии. К ним можно отнести распад СССР, военные действия в Чечне, кризис 1998 г. и др. Необходимо также отметить и то, что возникновению межэтнических конфликтов в отдельных населённых пунктах способствовали факторы местного характера.

Приведённый в данной статье материал свидетельствует о том, что в Республике Калмыкия имеется определённый конфликтогенный потенциал для возникновения локальных межнациональных конфликтов. Этот факт органам государственной власти необходимо учитывать при проведении региональной политики в Калмыкии, при этом важно понимать, что глубинные основы межнациональных конфликтов лежат в различиях этнических систем противостоящих сторон и в слабой интегрированности северокавказских народов в российское социокультурное пространство.

Библиографический список

1. Белоусов С. С. Изменения в этнической структуре населения Калмыкии в 90-е годы XX в. // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития: материалы Междунар. науч. конф. Элиста: АПП «Джангар», 2008. Ч. 2.
2. Белоусов С. С. Локальные межэтнические конфликты в Калмыкии в годы «перестройки» (1985-1991 г.) // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: сб. тез. Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д: СКАГС, 2006.
3. Белоусов С. С. Межнациональные конфликты в Республике Калмыкия в годы «перестройки» и в постсоветский период (1985-2009 гг.): отчёт о научной работе. Рукопись. Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2009.
4. Калмыкия в цифрах: стат. сб. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2007.
5. Ланцынова М. Круговая оборона МВД Калмыкии против боевиков, скотокрадов, проституток, а также обвесов и обсчётов // Известия Калмыкии. 1996. 7 февр.
6. Муянова Б. М. Миграционные процессы и проблемы толерантности в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2004. № 1.
7. Население отдельных национальностей, владение языками, уровень образования, распределение по статусу в занятии и источникам средств к существованию, группировка домохозяйств и семей по размеру в разрезе районов. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Калмыкия. Элиста: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия, 2005. Ч. 2.
8. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2867.

9. Национальный состав и языки народов Калмыцкой ССР. Демографическая, культурная и социально-экономическая характеристика отдельных национальностей. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Элиста: Госкомстат РСФСР. Калмыцкое республиканское управление статистики, 1991. Ч. 2.
10. *Очирова Н.Г.* О некоторых вопросах развития межнациональных отношений в Республике Калмыкия // Калмыцкая нация на рубеже столетий: современное состояние, перспективы развития. Элиста: КГУ, 1995.
11. Р. Кадыров направил в Калмыкию рабочую группу для восстановления прав чеченцев. URL: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=11106>.
12. *Хоперская Л.Л., Харченко В.А.* Локальные межэтнические конфликты на юге России: 2000–2005 гг. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2005.